

Станислав Владимирович Чумаков
ВАСЯ ШИШКОВСКИЙ

Для младшего школьного возраста.

Издание: Чумаков С. Вася Шишковский. — М.: Малыш, 1980. — 24 с. («Пионеры-герои») Тираж 150000 экз. Цена 25 к. Художник В. Юдин.

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Бойцы цепочкой двигались по обочине улицы. Двое несли длинное, тяжёлое противотанковое ружьё. По кочкам каменистой выбитой дороги тархтел пулемёт «Максим». Улица была пустынной. Ставни во всех домах закрыты. И даже собаки не лаяли. Только у крайней хаты, за которой дорога круто уходила в лощину к речушке Вилии, стоял мальчишка.

— Хлопец, дай напиток, — попросил командир с двумя кубиками в петлицах.

Долго, жадно глотал он холодную колодезную воду. Переливаясь через край ведра, вода промывала светлую полоску на сером от пыли подбородке и пропала в тёмных, влажных пятнах пота на гимнастёрке. Наконец командир поставил ведро наземь.

— Спасибо, брат, — сказал он и, встретив пристальный взгляд мальчика, устало улыбнулся, потрепал его по белёсым вихрам, — вернёмся...

Отряд скрылся в лощине. Стало тихо. Даже, казалось, ветер притаился в саду. И подсолнухи настороженно повернули свои жёлтые головы на запад. А Вася Шишковский всё стоял у калитки.

* * *

Под вечер в село ворвались мотоциклисты в чужой серо-зелёной форме. Они промчались мимо дома Шишковских в ту сторону, куда ушёл отряд. Вскоре из лесу донёсся треск выстрелов, гулко рвались гранаты.

Ночью село наполнилось рёвом машин. Ломая заборы и деревья, огромные крытые грузовики въезжали во дворы. Где-то у соседей завизжала свинья, закудахтали куры. Фашисты начали хозяйничать.

Наутро Вася чуть свет побежал к своему другу Петру. Тот, засунув руки в карманы, стоял и глазел на фашистов, которые разгуливали по двору в трусах и сапогах с короткими широкими голенищами.

— Петро, сбегает туда, где стреляли.

— Мамка не пустит.

— Мамка да мамка! Там, может, раненые лежат, умирают.

Пётр опасно оглянулся на хату, на немцев, шепнул:

— Бежим!

Мальчишки знали в лесу каждую тропку. Но сейчас густой бор показался чужим. Не хватало привычного, без чего и лес не лес. Вася остановился, прислушался:

— Петро, птицы не поют...

Лес будто вымер. Попряталось, притихло всё живое, испуганное выстрелами, рёвом низко пролетающих самолётов с чёрными крестами.

Ребята двинулись дальше. Солнце мелькнуло в разрыве между деревьями. Там, знали они, поляна с высокой, тонкой, шелковистой травой, яркими цветами и колючими кустами ежевики под деревьями. Но что это! На краю поляны у наспех вырытого окопчика лежал солдат. Каска откатилась в сторону. По спине расплзлось тёмное пятно. Дальше валялись искорёженное противотанковое ружьё, разбитый пулемёт.

Не по себе стало ребятам в этом молчаливом и мёртвом лесу.

Прямоком, через чашу, бросились они назад в село. Только у мостка через Вилию опомнились, отдышались. Вася вспомнил что-то и зашептал Петру:

— А их было больше. Значит, не все погибли. Ушли. И командира нет на поляне.

В этот вечер, как обычно, легли рано. Не было керосина. И комендантский час: после захода солнца на улицу выходить запрещалось.

Вася часто просыпался, прислушивался к звукам на улице. Его мучил всё время один и тот же вопрос: «Где сейчас командир и те, кто сумел уйти от врагов? Может быть, командир со своими бойцами сейчас, в ночной тишине, подкрадывается, чтобы уничтожить фашистов? Ведь командир обещал вернуться, обязательно вернуться».

— Я, мама, возле окна посижу, спать не хочется, — попросил Вася.

Хорошо было смотреть в темноту и вспоминать бабушкины сказки о героях, волшебниках, неведомых зверях и птицах. И вот уж Васе кажется, что рассеивается ночная мгла, а на фоне алого рассвета громоздятся

чёрные стены и башни замка.

Вася протёр глаза. Небо и вправду посветлело. Зарница? Однако на зарницу не похоже. Розоватое трепещущее пятно отражалось в низких тучах. А чёрные стены и башни — это ведь силуэты деревьев и домов на фоне зарева.

— Мама, папа, пожар!

«Но почему в церкви не забил тревожно колокол? Почему по ночным улицам не бегут люди с вёдрами, лопатами спасать чьё-то добро? Почему вдруг в центре села застучали выстрелы?»

Отец прильнул к окну рядом с Васей.

— Склад горит. Небось партизаны подожгли. Отойди-ка от окна, ненароком шальная пуля залетит. Это немцы стреляют.

А пламя пожара разгоралось всё ярче. Вдруг Васе показалось, что во дворе у сарая мелькнула чья-то тень. Прогремели выстрелы. Тень как-то неловко подпрыгнула и растворилась в темноте. В хате хлопнула дверь.

— Василь, ты куда!? — испуганно вскрикнула мать.

А Вася бросился к сараю. Там был человек. Цепляясь за стенку, он пытался подняться. Вася вскочил, подставил плечо.

— Что, здорово стукнуло?

— Да, в ногу...

— Ползи, дядя, в сарай, — торопливо шептал Вася, — сбоку в стене дырка, так ты лезь в неё. Там тебя никто не найдёт.

А сам, нащупывая тропку босыми ногами, двинулся к дому. Яркий луч фонарика неожиданно ослепил его.

— Ты что среди ночи шляешься? — раздался грубый бас полиция.

— Боязно стало, вот и потянуло за хату, — нашёлся Вася.

— Никто тут не пробегал?

— Вон там что-то мелькнуло, — и Вася махнул рукой в сторону реки. — А за кем вы гонитесь?

Полицией ответил оплеухой, от которой мальчик покатился в траву. Для острастки стреляя в темноту, погоня двинулась огородами к Вилии. А Вася вернулся в хату, что-то пробормотал в ответ на расспросы, бросился на лавку и забылся тяжёлым сном. Разбудил его утром разговор родителей.

— Слышь, отец, у сарая-то кровь на земле.

— Замела?

— Да.

— А шеколда?

— Закрыта.

— Никому ни слова.

Мать тихонько подошла к Васе:

— Проснулся? Ты никого вчера ночью не видел?

— Полицаев и немцев. Они кого-то искали, на меня фонариком светили да ещё кулаком стукнули. До сих пор ухо болит.

С улицы донёсся голос квартального, который звал всех на работу в поле. Расспрашивать Василия было некогда. Поспешно стали собираться, потому что за опоздание били плетью.

Родители ушли, а Вася, прихватив краюху хлеба и кринку молока, выглянул на улицу. Никого. Быстро пробежал к сараю. Забрался через свой секретный лаз. Ночной гость устроился в узкой щели между стеной и сеном. Нога у него была обмотана разорванной на полосы нижней рубахой. Рядом лежал немецкий автомат. Вася молча наблюдал, как жадно ест раненый. Смотрел на его поросшее густой щетиной лицо, совсем ещё молодое, а в волосах — сединки...

— Ну, спасибо, брат, за еду, — сказал раненый.

Знакомая интонация в голосе: «Спасибо, брат». Василь узнал того самого командира с двумя кубиками в петлицах, что останавливался у его дома с отрядом бойцов.

— Это вы подожгли склад? Раненый насторожился.

— Что, ищут?

— Да не-е-т. Думают, что ушёл.

Раненый приподнялся. Скрипнул зубами.

— Очень больно? — спросил Вася.

— Кость не задело. Ночью смогу уйти.

— Возьмите меня с собой.

Тот ласково провёл шершавой ладонью по голове мальчика:

— Нельзя, брат. Рано тебе ещё.

— Ну, тогда не уходите отсюда, пока не выздоровеете. Я никому ни слова не скажу. Вот те крест.

— Что ж ты крестишься? Пионер небось.

Вася помотал головой.

— Нет, не успел. На октябрьские праздники, думал, примут. Где ж теперь... И школа закрыта. А крест... Это мы с хлопцами так даём самую страшную клятву, когда играем.

— Да, война... А, знаешь, я ведь тебя вспомнил. Это ты батальон водой поил?

— Батальон?! Это же много народа!

— Да, батальон... То, что от него осталось после боёв...

— Я и в лесу, там, на поляне, был...

— Да, хлопчик, немного нас тогда ушло. И, видишь, продолжаем воевать. Помогаем нашей армии.

Ох, как трудно было Васе хранить тайну. Так и подмывало взять друга Петра за руку, подвести к лазу и прошептать:

— Там партизан, что поджёт склад.

Мать вечером пришла усталая и то заметила:

— Ты что, Васятка, такой беспокойный, уж не захворал?

Промолчал. Ничего не сказал.

На следующее утро он снова пошёл в сарай. Там было пусто. Ушёл партизан, даже имени не сказал. Взгляд мальчика упал на кусочек бумаги, прижатый камнем.

«Письмо?!»

Вася развернул листок. Оттуда что-то выпало. Он подобрал какой-то маленький металлический предмет, поднёс к щели. Это была красная звёздочка, какие носят бойцы на пилотках.

* * *

После пожара отец всё чаще стал приносить вести о дерзких подвигах партизан, которые взрывали поезда, машины и склады, уничтожали фашистов и казнили предателей. Васе казалось, что во всех этих делах обязательно участвует и командир-партизан, которого он прятал в сарае.

А красная звёздочка? Он бережно хранил её все долгие годы оккупации.

И вот пришло время, когда слова командира стали сбываться. Бой гремел совсем рядом. Видно было, как за полоской дальнего леса, словно стая птиц, кружат самолёты. Один за другим они то стремительно неслись вниз — и тогда земля вздрагивала от тяжёлых взрывов, то взмывали в синее морозное небо, покрытое медленно расплывшимися барашками разрывов зенитных снарядов.

Мать Василия перетаскивала в подвал самые необходимые вещи. Кто знал, как повернутся события... Может быть, в подвале придётся провести несколько дней и ночей. Отец скрылся от облавы на хуторе.

Ночью не спали. Под утро раздался осторожный стук в дверь.

«Отец вернулся! Нет, он так не стучит. Да и хутор, куда он ушёл, говорят, уже в руках Советской Армии».

— Может, то недобрые люди? — испуганно зашептала мать, прижимаясь к двенадцатилетнему сыну, теперь единственному мужчине в доме.

— Не бойся, мама, я сперва в щёлку гляну.

— Наши! — раздался его возглас.

В комнату вошли солдаты в белых маскировочных халатах.

— Перепугалась, мать? — спросил солдат и откинул капюшон. На каске сияла красная звезда.

— Как нам незаметнее пройти по селу?

Вася стал натягивать полушубок.

— Я пойду с вами. Дворами через всё село проведу. Только, можно, друга Петра позову?

— Давай-ка лучше обойдёмся без Петра, — строго сказал командир разведчиков.

Задами Василий провёл разведчиков туда, где фашисты днём рыли окопы, закладывали кирпичами окна в домах. Разведчики залегли у забора. Потом Вася тем же путём провёл их до околицы. Крепко, как взрослому, пожал ему на прощание руку командир.

— А теперь можешь заглянуть к другу и первым принести весть о том, что немцев завтра у вас не будет.

Разведчики исчезли так же неожиданно, как и появились.

* * *

Наутро в село ворвались наши танки. Они разутюжили окопы, выкурили немцев из укреплённых домов.

В тот же день вернулся отец. В армию по здоровью он пройти не смог. Но и в селе у него сразу нашлись дела. Отец был хорошим каменщиком и стал во главе бригады строителей. Он приходил домой, чуть не падая от усталости, но всегда был весёлым, шутил с сыном и даже вырезывал из дерева игрушки. А однажды пришёл и сказал:

— Завтра в школу пойдёшь.

* * *

И вот Вася снова в школе. Он поднялся по каменным ступеням, толкнул дверь. Она закричала давно не смазанными петлями. В коридоре было холодно и пусто. Вася пришёл раньше всех. В здании стоял густой запах мышей и слежавшегося зерна. В годы оккупации здесь был зерносклад. Вася тихо шёл по коридору.

— Ты, мальчик, в какой класс? — то была учительница, накануне приехавшая в село.

— В третий переходил, но это давно было.

— Значит, в мой класс. Давай знакомиться. Меня зовут Александра Лаврентьевна.

— А я Вася. Шишковский.

Прозвенел звонок. Но немного ребят собралось в этот день. «Почему бы это? — недоумевала учительница. — Ведь всё село знало о школе».

Начался урок.

В класс, запыхавшись, вбежал мальчишка. Виновато помялся:

— Меня мамка не пускала, — потупив голову, объяснил он, — так я через окно убежал. К ней какой-то чужой приходил и сказал: «В школе будут учить так, чтобы дети родной язык забыли». А я не поверил. — И правильно сделал, — сказала учительница, — учиться будем на родном языке.

На первом уроке Александра Лаврентьевна не объясняла ребятам новый материал. Она рассказывала о пионерах, юных ленинцах, о том, как после уроков ребята шли в госпитали к раненым, собирали подарки на фронт. Как в трудную минуту они заменяли у станков отцов и старших братьев. Ребята узнали о подвигах пионеров в тылу врага. О киевском пионере Косте Кравчуке, который спас красные знамена двух полков и сохранил их до прихода наших, о Вале Котике, который сражался в партизанском отряде в соседней с Тернопольской, Хмельницкой, области и погиб в бою.

— Каждый из вас, — сказала она, — может теперь тоже стать юным пионером и вместе со всеми ребятами страны помогать Советской Армии, Родине.

Забыв про холод, слушали ребята учительницу.

После уроков Вася несмело заглянул в учительскую.

Учительница окликнула его:

— Заходи, заходи, Шишковский.

— А как стать пионером, Александра Лаврентьевна?

— Как? — учительница задумалась. В школе не было ни вожатой, ни одного комсомольца. Кому же готовить ребят в пионеры? — Хорошо. Для начала идём, я тебе дам хорошую книжку о пионерах. Сам почитай и ребятам расскажи.

Учительница жила тут же, рядом со школой. Комната была ещё не обжита. На грубом столе кучей свалены книги, много книг, столько Вася за всю свою жизнь ещё не видел. Александра Лаврентьевна порылась в этом ворохе и достала книгу в зеленоватом коленкоровом переплёте.

— «Пионер Павлик Морозов», — прочитал Вася. — А за что про него такую большую книжку написали?

— Ишь, какой нетерпеливый. Прочитай сначала. Что будет непонятно — спроси.

...Утром, перед уроками, учительницу поразила необычная тишина за дверью класса.

«Неужели никого?»

Открыла дверь и услышала ровный голос. Вася сидел за партой и читал вслух книжку, которую она дала накануне, а вокруг теснились ребята.

В этот день учительница записала в блокнот: «Просить в райкоме комсомола, чтобы скорее прислали в школу вожатую для организации пионерского отряда».

А на большой перемене принесла ребятам текст торжественного обещания.

— Это клятва, которую перед вступлением в пионеры дают ребята, — сказала она. — Каждый пионер должен знать и свято выполнять её.

Потом учительница развернула газету и прочитала заметку о том, что по всей области началось движение за постройку танковой колонны — уже собраны десятки тысяч рублей. В этом деле большую помощь оказывают молодёжь, школьники.

Ребята дружно заговорили:

— Давайте и мы у себя в Шумском начнём собирать средства на танк...

Вася принёс домой лист белой бумаги и красную краску. Всё это учительница раздобыла в райкоме. Он разложил лист на столе и старательно стал рисовать танк с красной звездой на боку и красным флагом над башней.

* * *

Наутро ребята пошли с плакатом по селу.

По-разному встречали их в хатах. Одни без раздумий ставили свои имена на подписных листах. Другие давали деньги, но, отведя глаза в сторону, просили не писать их фамилии и торопились поскорее выпроводить ребят на улицу. Третьи, их было немного, закрывали двери перед ребятами...

Под вечер поползли по селу слухи: тем, кто даёт деньги на танковую колонну, бендеровцы грозят спалить хаты.

Кто же эти «бендеровцы»? Предатели украинского народа, которые не сумели бежать с фашистами. Они прятались по лесам в землянках — «схронах». Они стреляли из-за угла в коммунистов, комсомольцев.

Грозили смертью крестьянам, которые вступали в колхозы. Распускали враждебные слухи.

Несмотря на угрозы бендеровцев, ребята собрали 10 000 рублей на танк!

* * *

22 апреля, в день рождения Ленина, был создан пионерский отряд. Красные галстуки повязывал ребятам секретарь райкома партии. Он вытянулся по-военному и громко произнёс слова пионерского девиза.

— Всегда готовы! — дружно ответил пионерский отряд. И одиннадцать рук впервые взметнулись в пионерском салюте.

А потом отряд вышел во двор и перед школьным зданием посадил одиннадцать деревьев.

Как-то незаметно получилось, что заводилой всех дел в школе стал Вася. Поэтому и начальником штаба отряда выбрали его.

Но особенно выросло уважение ребят к Васе после того, как в школу пришло письмо из действующей армии от лейтенанта Андрея Титова. Командир просил передать благодарность за спасение жизни мальчику Василию, который живёт в крайней хате. Ребята сразу догадались, о ком шла речь в письме — о Шишковском!

..Быстро по тропке бежал из школы Вася. Задержался на сборе отряда. Вот сейчас небольшой пустырь, потом бабушкин дом, ещё один и самая крайняя хата — его. На бревне у пустыря сидели двое и дымили сигарками.

— Эй, хлопец, поди-ка сюда!

Только подошёл, как один из незнакомцев цепко схватил за галстук:

— Что это у тебя за тряпка на шее?

— Брось, дядька! — пытался вырваться Вася.

— Сними тряпку, гадёныш! — зашипел незнакомец. — И ребятам своей пионерией головы не мутит.

Вася узнал незнакомца! Это был бывший полицей. Значит, не успел, предатель, удрать с фашистами!

— Кончай с ним, — угрюмо бросил другой.

В такие мгновения мозг работает необычайно быстро в поисках выхода из, казалось, безнадёжного положения.

— Патруль идёт! — крикнул Вася.

Село Шумское небольшое. Наутро о встрече Васи с бандитами знали все. А Вася, как обычно, вышел из дома с книжками под мышкой и с красным галстуком на груди. Догнал Петра. У того галстука не было.

— А ты не испугался, Василь? — удивлённо спросил Пётр.

— Испугался.

— А галстук всё равно носишь?

— И всегда буду носить.

Пётр повернулся круто и побежал домой. Вскоре он догнал Васю.

— Глянь, Василь, — потянул его за рукав.

На Петре снова был красный галстук.

* * *

Пришёл праздник Октября. В президиум вместе с самыми уважаемыми людьми района пригласили и представителя пионеров, Васю. Ему дали слово сразу после военного с золотой звездой героя на гимнастёрке. Вася робел выступать, особенно после того, как услышал речь героя, который рассказывал о подвигах советских воинов. А о чём скажет он?

Но удивительно тихо сидели все в зале, когда пионер начал рассказывать, как трудно было ребятам в первые месяцы учиться без тетрадок и учебников, в нетопленной школе. Как они после занятий шли из дома в дом и читали газеты, рассказывали о событиях на фронтах. Как собирали металлолом. Как помогали семьям фронтовиков. Он говорил и о врагах, бендеровцах, которые становятся на пути даже у ребят.

— Но они не заставят снять нас красные галстуки. В школе сейчас одиннадцать пионеров, но будет сто и двести! Вот что мне поручили сказать ребята.

Вася стоял на трибуне и радостно слушал аплодисменты, первые аплодисменты в своей жизни. Сотни лиц улыбались ему. Но что это за фигура, пригнувшись, стала пробираться к выходу? Это же один из тех бандитов, что встретили его на пустыре неподалёку от дома. Так же, пригнувшись, он убегал тогда в сторону Вилии. А может быть, ошибка? Вася торопливо сбежал с трибуны, бросился к выходу, но бандита и след простыл.

* * *

Всё холоднее становилось на улице, а школьный завхоз не начинал топить.

— Дровишки надо экономить, впереди зима, — говорил он.

— Ребята, давайте сами по дрова пойдём, — предложил как-то Вася. — Привезём воз, и нам до самой весны хватит.

И в ближайшее воскресенье отряд отправился в лес. Возок неторопливо ехал дорогой, припорошённой первым снегом. Ребята, разделившись на две группы, играли в войну. Вместо ружей — палки, вместо пуль — жёлуди. Одной группой командовал Вася, другой — его друг Петро.

Отряд Васи теснил «противника» всё глубже и глубже в лес.

— А, отступаете?! — кричали ребята.

— Вовсе и нет, — оправдывался Петро, — мы вслед за возком двигаемся, а то если вас погоним, никогда дров не наберём.

Ребята из отряда. Васи кричали:

— Всё равно мы вас побеждаем!

— Ах, так! — возмутился Пётр. — Ребята, покажем им.

Через несколько минут Вася, связанный по рукам и ногам, лежал на дне повозки, а на него взгромоздился Пётр.

— Вот вам отступление, вот вам отступление! — кричал он, размахивая «ружьём».

— А ну, стой! Кто такие?

Ребята и не заметили, как из-за деревьев вышло несколько оборванных, вооружённых немецкими автоматами людей.

«Бендеровцы», — ёкнуло у Петра сердце.

— Зачем в лес едете? — спросил один из бандитов.

Пётр так растерялся, что остался сидеть на Васильке.

— Да вот по дрова едем, а то холодно, — нерешительно сказал кто-то из ребят.

— А среди вас Шишковского, сына каменщика, нет? Того, что на собрании речь говорил?

Вася шевельнулся под Петром. Тот ещё сильнее навалился на лежавшего и громко, чтобы никто из ребят не успел проболтаться, сказал:

— Нету, дома он сидит, заболел, говорят.

— Узнаем — врём, головы поотрываем. Дрова собирайте здесь. Дальше не суйтесь.

Молча, торопливо ребята рубили сухие ветки, накладывали на возок. Без игр, без смеха выехали из лесу.

Если бы ребята проехали со своим возком в глубь леса ещё немного, то попали бы на глухую лесную поляну. Там, возле одной из землянок, дымился костёр. Возле костра совещались главари банды. Потеряв половину людей в стычке с милицией и отрядом Советской Армии, банде пришлось покинуть тёплые «схроны» в дальнем лесном хуторе и бежать в леса. Дольше трёх дней теперь не удавалось нигде задержаться. В сёлах их люто ненавидели. И даже пропитание приходилось им теперь добывать ценою крови.

У главаря в руках был план села Шумского.

— В этой хате уничтожить всех, — он обвёл на плане квадратик, обозначавший дом Шишковских. — Там вся семейка — активисты. Учтите, в селе гарнизон и отряд самообороны. Всё надо кончить молниеносно, до объявления тревоги. И соседям за компанию — красного петуха под крышу. Отряд бросится сюда, а мы — на правление колхоза и магазин...

* * *

Скоро Новый год. Приближение праздника чувствовалось во всём. В коридоре пахла хвоей небольшая ёлочка. Учительница перед каникулами уже не задала никаких уроков. Вася сидел у стола и мастерил к утреннику маску.

А вот и отец пришёл. Стучит сапогами в коридоре, отряхивает снег. Вошёл в комнату — и прямо к печке.

— Ну и холодина во дворе! А я не один.

С отцом пришла бабушка. У Васи праздник через четыре дня, а у бабушки уже начался. Рождество.

Конечно, как пионер, он церковные праздники не признаёт, но почему, например, не пойти к бабушке и не отведать вкусных вещей, которые она к этому дню готовит? Бабушка и сама знает о том, что Вася не прочь пробежаться к ней.

— Пусти Васятку ради праздника ко мне на ночёвку, — просит она. Васе только этого и нужно.

— Пусти, мама, уроков у меня нет.

Тихо стало без сына в хате. Задремал отец. Яркая луна выплыла на небо, синим светом осветила спящее, заснеженное село. Вдруг неистово залаяла соседская собака. У окон заскрипел под чьими-то сапогами снег. Сразу же раздался грубый стук в дверь.

— Отворяйте, ночной патруль!

Мать загасила лампу.

— погоди, в окно выгляяну.

В лунном свете промелькнуло несколько фигур. Чёрные силуэты торопливо двигались по улице. Это была совсем не милиция. Да и какой патруль стал бы стучать к Шишковским, когда отец Васи сам был боец отряда самообороны.

А стук всё сильнее.

— Открывайте, бисовы души!

Это были бендеровцы. Раздались выстрелы. Потом подряд два взрыва гранат. Свист осколков у самого окна. Потом где-то совсем рядом послышался крик. Голос, похожий на Васин:

— Пусти, гад, слышишь?

Возглас:

— А, попался, щенок!

Выстрел. И пламя за окном вдруг взметнулось к небу тысячей искр. ...Вася спал крепким сном. Спала и бабка. Их тоже разбудил среди ночи стук в дверь.

— Уходите, антихристы, — увещевала из-за двери бабка. Потом раздался испуганный возглас:

— Тикаймо, войско!

Вася прильнул к окну. От дома убегало несколько фигур, а совсем рядом занимался пожар.

— Ой, бабонька, у нас горит! — Рванулся к двери.

— Стой, Васята, не уходи, Василёк, убьют!

Но разве старухе удержать двенадцатилетнего мальчишку, сильного, ловкого... Побежал он к своей хате быстрее спешивших на выручку солдат. Ведь там отец, мать. Вот и дом. Горит крыша. Рядом полыхает сарай. Стёкла в окнах выбиты. Одна ставня едва держится на петле.

В этот момент его схватила чья-то грубая рука. Вася узнал бендеровца. Узнал Васю и бандит. Выстрелил. Мальчик был ещё жив. Тогда бандит бросил Васю прямо в пылавший сарай.

* * *

На следующий день всё село хоронило пионера. Шёл снежок. Он падал на ребячьи лица и таял, смешиваясь со слезами. Очень любила вся школа начальника штаба первого в районе пионерского отряда. Ребята поклялись никогда не забывать своего товарища, а солдаты — отомстить бандитам. Они выполнили свою клятву. Бандитов выкурили из лесов и уничтожили.

А память о Васе живёт. Шумят листвою деревья, посаженные первым пионерским отрядом. По всей Украине сотни дружин носят имя Васи Шишковского. А в центре села, а теперь города Шумска, стоит памятник пионеру Васе Шишковскому.